

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СЕРГЕЙ КУЦ

ВОР И УБИЙЦА

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К88

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1163

Художник
И. Воронин

Куц С. В.
К88 Вор и убийца: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 346 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2894-6

Кровь и песок! Впереди лишь казнь. Но кто-то очень могущественный оказался сильнее королевского правосудия. Теперь Николас Гард, вор и флибустьер, должен сполна расплатиться за свое спасение...

Эх, не думал я, что сделку скрепит магия клятвенного креста! Проклятые эльфийские леса, пристанище оживших ночных кошмаров — земли, прозванные Запустением, из сердца которых живыми не возвращаются. И теперь туда иду я. Вместе с несколькими такими же смертниками, как и ваш покорный слуга. Я стал свидетелем и участником невероятных и страшных событий, которые навсегда изменили наш несчастный мир. Никогда бы не поверил, что увижу все то, что предстояло пережить, но пока меня ждет поход в Запустение.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2894-6

© Куц С. В., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Глава 1

ПЛОЩАДЬ ПРАВОСУДИЯ

— А ну поднимайтесь!

Отвыкшие от света глаза на миг ослепли.

— Шевелитесь, грязные свиньи! И поторапливайтесь, пока я добрый!

В камеру ввалился самый жирный из встречавшихся мне в королевской тюрьме надсмотрщиков. На дюжину шагов от него несло перегаром. Зловонные пары из его пасти мгновенно смешались с затхлым воздухом каменного мешка, в котором коротали свои последние часы арестанты. К коим, как ни горько это признать, принадлежал и я.

Следом за надсмотрщиком в полуоткрытую дверь из обитого медью почерневшего дуба вошли два тюремных алебардиста в одеянии желто-оранжевого королевского цвета. Еще несколько гремели ржавым железом в освещенном факелами коридоре. Древки их алебард основательно укоротили, чтобы удобнее было управляться в тюремных помещениях.

— По одному и на выход! — проревел тюремщик, звякнув связкой массивных ключей, зажатых в толстых коротких пальцах. Такие у меня всегда вызывали отвращение.

Опершись на закованные в кандалы руки, я неуклюже поднялся. Рана под рубцом на левой ноге напомнила о себе тремя болезненными уколами. Проклятый пепел! Ведь почти зажила.

— Да шустрей там!

Цепи на ногах позволяли делать только короткие шажки, которые изрядно меня повеселили бы, смотри я на это дело со стороны. Но дьявол! Я там, где я есть. Проклинаю тот день, когда мы наполнили паруса и погнались за караваном купцов!

— Один, второй, — поднеся к небритой роже фонарь и скорчив отвратительную гримасу, тюремщик пересчитывал

переступающих порог камеры заключенных, — третий, четвертый...

В меня ткнула лапа с зеленой татуировкой.

— ...пятый, шестой, седьмой, восьмой. Ага, все тут. — Тряся обвислым животом, тюремщик зашелся хриплым смехом. — Да и куда ж вам подеваться!

Ржуший надсмотрщик — зрелище невыносимое. Я отвел глаза.

— Ты чего морду воротишь?

Тюремщик дернул меня за рукав рубахи. К моему лицу приблизились зло сощуренные, налитые кровью глаза.

— Стройте их и ведите на площадь, — бросил алебардистам тюремщик, — а мы с господином капитаном скоро нагоним. Ты ведь капитан? Не так ли?

Отвечать я не собирался, да и не успел бы. Пудовый кулачище угодил прямо в солнечное сплетение. Задыхаясь, рухнул на колени, изо рта потекла вязкая слюна. Я поймал на себе выразительные взгляды Чекко и Лоиса: «Помочь, капитан?» Резко мотнул головой. Не вмешивайтесь!

Жирный гад от души пнул сапогом по ноге, точно угодив по почти зажившей ране. После вспышки боли меня затопила ненависть. Стража уже отвела парней на дюжину шагов, и с тюремщиком я остался один на один. Собравшись, ждал, когда он подойдет поближе.

Плюнув мне под ноги, надсмотрщик опустил на корточки несколькими шагами левее, подпер спиной стену.

— Это тебе не купцов щипать, пират, — зло рассмеялся он и потянулся к болтавшейся на поясе фляжке, подставив мне свой бок.

Я рванулся, вложил в прыжок все оставшиеся после месяца заключения силы. Тюремщик вскочил, отшвырнул флягу, а я вспорол пустоту и влетел плечом в шершавую кладку. Толстяк оказался необычайно проворным. Пока я поднимался, он ловко обошел меня справа и смачно врезал тыльной стороной ладони по спине. Грохнувшись на колени, я не успел дернуться, как получил еще один удар по лопаткам и уткнулся лицом в сырой пол. Надсмотрщик придавил спину тяжелым коленом, умело заломил мне руки. Попытка шевельнуться принесла избитому телу адскую боль.

— Не ерепенься, — услышал я сквозь собственный хрип, — вас ведут на суд, сам знаешь, какой приговор вынесет лорд Деспиле. Но не отчаивайся.

Я замер. Речь надсмотрщика совершенно изменилась, причем в лучшую сторону.

— Есть человек, который хочет, чтобы твоя душа осталась среди живых. Если не наделаешь глупостей, то увидишь завтрашнее утро. Будь спокоен и хотя бы внешне покорен судьбе. А теперь... пшел, собака!

Прежний тюремщик вернулся. Он наградил меня пинком и отборными ругательствами и погнал по коридорам королевской тюрьмы. Я двигал ногами, словно пьяный, гадая о странном тюремщике и моем таинственном доброжелателе. Предположения возникали самые дикие, вплоть до слуг сатаны!.. Ох, не о том думается на пороге смерти! Чтобы отогнать непрощенные мысли, я бездумно считал попадававшие на пути двери камер.

Когда грубые руки вытолкали меня из ворот тюрьмы, постарался выбросить из головы сумасшедшие домыслы. Конечно, насколько это возможно в нынешнем положении. Будь что будет!

Площадь Правосудия и прилегающие улочки были заполнены гомонящим народом. За восемь месяцев столица королевства Арния несколько не изменилась. Разве что появились траурные полотнища.

Нахлынули воспоминания — как обчистил дворец арнийского вице-короля, правящего в заморских владениях, и отправился транжирить золотые руали в Ревентоль. Помню, я славно отметил свое двадцатисемилетие. Меньше года прошло. Потом, когда наскучили дни и ночи бесконечного разгульного праздника, вдруг задумал поменять воровское ремесло на пиратское. Остатков от великолепного куша, отхваченного в доме вице-короля, хватило, чтобы на Костяном Крабе, острове вольного братства, снарядить приличный корабль.

Фортуна благоволила, золото и серебро сами плыли в руки. Через два месяца флибустьерства меня пригласил в свою флотилию Рыжий Крюк, самый грозный и щедрый среди свободного братства пират, чье имя гремело повсюду, даже в дальних портах.

Задались веселые деньки! А потом мы угодили в хитрую ловушку. Арнийцы, арнидокцы, герийцы и лекантийцы забыли свои извечные дразги и устроили ненавистному Рыжему Крюку западню. Сам Крюк ушел, но его капитаны — нет. Мы дрались отчаянно, однако и мой «Скорпион» взяли на абордаж, и теперь я снова в Ревентоле. Я и семеро выживших на корабле.

Парней построили гуськом, сковали кандалы одной цепью. Впереди высилась могучая фигура Чекко, за ним — близнецы Жак и Жан. В затылок Жану смотрел седой Гюг, моя правая рука на «Скорпионе». Рубаки Лоис и Дино оказались неразлучными даже здесь, они стояли рядом. Последним был Булез. Замок цепи, крепящейся к моим оковам, щелкнул как раз за его спиной.

Тюремные алебардисты заняли места по обе стороны от нас. — Живо вперед!

Заклоченных направили на противоположный край площади сквозь прямой проход в орущей толпе, осыпающей пиратов проклятиями и ядовитыми насмешками. Люд сдерживал двойной ряд королевских гвардейцев в идеально сшитых камзолах и позолоченных кирасах. Рядом с ними любой представитель тюремной стражи смотрелся гадким утенком.

Когда до гранитного помоста, на котором обычно вершили правосудие королевские судьи, оставалось не более двух десятков футов, алебардисты остановились. Под улюлюканье реVENTольцев нас заставили упасть на колени и приказали ждать. Недолго.

На помост взошел судебный пристав. Призвав к тишине, он громогласно объявил:

— Верховный судья Высокого трибунала королевства лорд Деспилье!

По ступеням поднялся граф Альберт Деспилье. Поджарый, с вытянутым высохшим лицом, черными, глубоко посаженными глазами, он всем своим видом подтверждал недобрую репутацию. Облаченный в пурпурную мантию судья смерил холодным взглядом притихших горожан и уселся в высокое кресло, стоящее справа от пустующего места короля.

Вдовствующая королева-мать Мария Луиза почила три недели назад, и убитый горем сын, теперешний король Герард V, оплакивал утрату в аббатстве Мон-Терье. Хотя лично я пола-

гал, что Герард предавался в аббатстве отнюдь не траурному молению. О враждебных отношениях нынешнего короля с матерью поговаривали далеко за пределами королевства.

Слева от монаршего трона пустовало место кардинала. Кто же его займет? Старческая немощь кардинала Кунигуда давно стала притчей во языцех. Неужели и это кресло останется свободным?

— Архиепископ Антуан! — известил пристав, разрешив мои раздумья.

Кто же еще! Архиепископ слыл первым из претендентов на мантию Кунигуда.

Антуан оказался высоким человеком с открытыми и благородными чертами лица. Однако, как ни крути, он член Высокого трибунала, и при этой мысли зародившаяся было симпатия молниеносно исчезла.

— Королевский обвинитель лорд Тренкап!

Это имя мне ничего не говорило. Да и сам лорд Тренкап не производил особого впечатления: какой-то неприметный господин в коричневом костюме. Зато, когда услышал имя королевского защитника, признаться, стало не по себе. Развеялись последние сомнения в том, каким приговором завершится трибунал.

— Вице-король Заморской Арнии лорд Даман!

Пиратом я не делал тайны, откуда взялись руали, позволившие снарядить «Скорпион», и очень скоро весь Костяной Краб знал, кто обчистил сундуки арнийского вице-короля. Само собой, известие об этом недолго добиралось до резиденции Конрада Дамана. Даман нанял убийц, которые отправили на тот свет моего первого и единственного настоящего друга, боцмана «Скорпиона» Дью Вермана, и едва не добрались до меня. К Даману появились кровные счета.

Да, это был он! Его пухлые щеки и блестящую лысину не спутать ни с чьими другими.

Первое, что сделал Даман, как только вскарабкался на помост, это нашел взглядом меня. Вице-король улыбнулся своей приторной кривой улыбкой, в его глазах зажегся мстительный огонек.

Сняв воображаемую шляпу, я картинно поклонился и наигранно пригладил якобы взлохмаченную прическу. Мои пря-

мые черные волосы падали на плечи. Толпа незамедлительно разразилась злорадным хохотом. Разговоры о жадности вице-короля давно дошли до Ревентоля, и о моем визите в подвал Конрада Дамана здесь тоже были наслышаны.

— Именем милостью Божьей короля Герарда V Высокий трибунал слушает дело о морском разбое, — произнес верховный судья, хищно взглянув на подсудимых. — Вызывается Лоис Вект.

Младшие судебные приставы, сменившие тюремную стражу, сняли цепной замок и вытолкали Лоиса вперед.

Суд вышел скорым и жестоким. Выслушав обвинителя и не менее обличительную речь нашего «защитника» Дамана, Деспилье дал слово Лоису, который лишь покосился презрительно на реюший над помостом королевский флаг и отвернулся.

— Смертная казнь, — сухо проронил верховный судья, не удосужившись соблюсти протокол. В торговом Ревентоле пират — это хуже, чем детоубийца.

Лоиса приковали к столбу смертников. К его чести, держался он молодцом.

Затем Деспилье называл имена Гюга, Булеза, Чекко, Жана и Жака. Суд над ними, в коем не проглядывалось и намек на выслушивание свидетелей и прочие тонкости, получился таким же коротким и закончился тем же приговором. Лишь семнадцатилетним близнецам Жану и Жаку Деспилье уготовал иную участь.

— Смертная казнь заменяется пятилетней каторгой на галерах.

Было искренне жаль братьев. Больше трех лет на арнийских галерах не выдерживал никто, это поистине хуже смертной казни.

Рядом со мной оставался один Дино.

— Николас Гард, — потребовал судья.

Приставы приблизились ко мне и, освободив от цепи, толкнули к помосту.

Шагнув, я вдруг почувствовал острую боль в ноге. Рана напомнила о себе весьма некстати. С трудом сохраняя спокойствие, я старался не хромать. Все, что угодно, лишь бы не доставить лишнего удовольствия толпе, бьющейся в экстазе от предвкушения казней.

— Николас Гард, — начал зачитывать судебное заключение Тренкап, — вы обвиняетесь...

Я не слышал его. Выглянувшее из-за кафедрального собора Святого Франциска яркое солнце не только ослепило меня, но, похоже, и оглушило. В голове крутились слова тюремщика. Неужели сказанное им всего лишь дьявольский розыгрыш? Я начал думать, что это так, надежда на спасение едва теплилась.

— Гард, у вас есть что сказать в свое оправдание? Лорд Даман высказался, — обратился ко мне Деспилье.

Я даже не услышал, что нес вице-король. Качнув головой, ответил:

— Скажу лишь, что ничуть не раскаиваюсь в содеянном.

— Тогда виновен, и ваша виновность, Гард, как капитана корабля флибустьеров и приспешника Рыжего Крюка, более чем очевидна. Наказание — смертная казнь. — Верховный судья повернулся к приставам: — Уведите его.

— Позвольте, ваша честь! — вдруг поднялся Даман, нервно вытирая платком вспотевшую лысину.

Что у него на уме? Или Даману недостаточно моей смерти?

— Защите есть что добавить?

— Да, ваша честь.

— Что ж, извольте. — Альберт Деспилье откинулся на спинку кресла, не сводя с меня змеиного взгляда.

— Всем известно, — торопливо начал Даман в повисшей над площадью гробовой тишине, — о булле папы Иннокентия XII, что говорит про незамедлительное отлучение от матери-церкви всех детей, родившихся от богопротивной связи сыновей и дочерей человеческого рода с расами нелюдей, а также всех потомков этих детей...

Наверное, я побледнел, потому что замысел Дамана проявился. Он хотел лишить меня последнего, что нам еще оставалось. Права на покаяние!

— Ваша честь, я должен уточнить, — неожиданно вмешался архиепископ. Не проронивший до сих пор ни звука церковник заговорил, когда разбирательство коснулось преступлений против Святой церкви. Именно для этого на каждом заседании Высокого трибунала и должен был присутствовать кардинал. — В булле Иннокентия XII написано лишь о рекоменда-

ции отлучать от лона церкви детей, рожденных от связей людей с эльфами, гномами, орками и прочими. Но это отнюдь не императивное повеление.

Даман тяжело задышал и покрылся бурыми пятнами.

— Спасибо, — обратился к архиепископу Деспилье. — Трибунал учел ваше замечание.

К растерявшемуся вице-королю уверенность вернулась быстро, он вкрадчиво продолжил:

— Поговаривают, что в роду Гарда имелись орки. — Конрад Даман бросил в мою сторону взгляд и самодовольно надул щеки. — У меня все, ваша честь, — сказал он.

— Принимая во внимание сказанное выше лордом Даманом, трибунал обязан проверить указанное обстоятельство, — цинично произнес верховный судья. — Поднимите Гарда на помост.

Два пристава схватили меня за локти и потащили к судьям. Дабы унижить побольше, они тащили меня спиной вперед.

— Я распоряжусь, чтобы сюда принесли Обруч, — сказал архиепископ.

— Не стоит утруждать себя, ваше преосвященство, все уже готово. — Деспилье улыбнулся, посмотрев в мою сторону.

Меня снова бросили на колени. Теперь уже в шаге от стола, за которым сидели судьи королевского трибунала.

Рядом застыл старший пристав, держа на вытянутых руках поднос с Обручем. Это был просто обруч без каких бы то ни было украшений. Единственным его отличием являлись редчайшая красная сталь, из которой его выплавили, и, конечно, магия. Та магия, которую святые отцы заключили в десятки обручей из красной стали и которая позволяла обнаружить несчастных, о коих говорилось в булле Иннокентия XII.

Подобно затравленному зверю я наблюдал, как архиепископ Антуан принял у пристава Обруч, поднял над моей головой и начал медленно опускать вниз. Обмануть Обруч невозможно. Себя тоже. Мою прабабку изнасиловали орки, и поэтому я был обречен на отлучение от церкви. А значит, меня выдаст боль; а значит, перед смертью не будет покаяния; а значит, я точно отправлюсь в ад!

Обруч коснулся головы. Через мгновение нахлынула невыносимая боль. Я выдержал три удара сердца и закричал. Я кричал, кричал и кричал...

Пришел в себя у столба смертников.

Приставы вели к гранитному помосту Дино.

— Эх, Николас, крепко тебе досталось, — заметив, что я очнулся, заговорил старик Гюг.

— Да, — захрипел пересохшим горлом Чекко, — ты, капитан, орал, словно жарился на углях в преисподней.

— Заткнись, Чекко! — напустились на него остальные. — Вечно лезешь со своими тупыми шутками.

Я молчал. Все стало безразлично.

— Эй, взбодрись, капитан! — попытался ухмыльнуться Гюг. — Не все так худо, как тебе кажется.

Я поднял мутный взор.

— Антуан, благослови, Боже, его причинное место, — Лоис не смог отказать себе в последней вольности, в богохульстве, — сказал, что твоя участь и так незавидна и не стоит ее усугублять...

— Короче, — перебил его Чекко, — Антуан не стал отлучать тебя. Видел бы ты, как взбесился господин Деспилье, а Даман, черт бы его побрал, вообще слюнями брызгал. Но архиепископ стоял на своем как скала. Нет, и все.

В душе я почувствовал легкость и свободу. Не знаю, как такое возможно у столба смертников, но, оказывается, возможно. Я с искренней благодарностью посмотрел на Антуана.

Тем временем к нам присоединился Дино.

На радость собравшейся толпе старший пристав торжественно объявил:

— Приговор Высокого трибунала королевства приводится в исполнение немедленно!

Многотысячное человеческое море завопило от восторга. А еще твердят про просвещенный век!

Справа от гранитного помоста серела каменная гранитная стена. Ее прозвали «Стеной казней». Она появилась в Ревентоле в тот месяц, когда я кутил в здешних трактирах. В те дни у Марии Луизы возникла серьезная проблема: гильдия палачей взвинтила небывалую цену на свои услуги. Тогда-то и высок-

чил как чертик из табакерки граф Альберт Деспилье. Пообещав королеве-матери разобраться с палачами, он заимел должность верховного судьи с весьма заманчивым денежным жалованьем и массой привилегий, а вместо палачей привлек к казням королевских аркебузирова, и теперь у этой срочно возведенной стены солдаты расстреливали осужденных.

Эх, не думалось восемь месяцев назад, что доведется стоять перед дулами аркебуза на площади Правосудия.

Судебные приставы подошли к Лоису. Его осудили первым, посему он первым предстанет перед Господом. Лоису вставили в рот кляп, дабы не поносил короля и трибунал, а на голову надели грязный мешок. «Милостивым» королевским эдиктом преступников спасали от тяжкой доли смотреть в глаза смерти.

К столбу смертников, громяхая, подкатился черный фургон. Внутри фургона находился священник, который должен был свершить таинство покаяния, дабы избавить души преступников от груза грехов. В фургоне имелось две дверцы: одна — около кучера, а вторая — у оси задних колес.

Лоиса подвели к фургону и толкнули в распахнутую заднюю дверь. Через несколько минут кучер склонился к крохотному окошку, а потом сообщил, что исповедь окончена. Приставы отодвинули засов и, не церемонясь, вытянули Лоиса наружу. Нет, Лоис не сопротивлялся, но и облегчать жизнь приставам явно не собирался. Пусть сами тащат, коль им надобно.

Лоиса приволокли к стене и развернули лицом к аркебузирам. Приставы торопливо убрались, и солдаты подняли оружие.

— Пли!

Лоис упал без единого звука. Мы тоже молчали. Каждый думал о своем.

За Лоисом последовали Гюг, Булез и Чекко. Близнецов куда-то увели. Остались я и Дино. К столбу приблизилась тройка приставов. Мой черед... Последнее, что я увидел, — это четыре окровавленных тела у испещренной пулями стены. Рот заткнули тряпкой, а когда надели мешок, в нос ударил удушливый запах мертвечины. Мешки использовались не один раз и долго не снимались с расстрелянных.

Меня подвели к фургону и с силой толкнули внутрь. Сзади с лязгом задвинулся засов.

На спине выступил ледяной пот. Почему тишина? Неужто Даман подговорил священника и я все-таки приму смерть без покаяния?! Что-то скрипнуло, как будто каблук растер пыль. Вновь лязгнул засов. На сей раз где-то впереди.

Мешок полетел на пол фургона.

Передо мной стоял высокий, крепко сложенный человек лет сорока на вид, монашеский наряд которого резко контрастировал с лицом воина. Незнакомец вынул из моего рта кляп и тут же, деловито используя ключ с тюремным клеймом, освободил от оков. Сначала руки, а затем ноги.

— Все расспросы после, — бросил он, — а сейчас раздевайся. Донага и быстро!

Успев распрощаться с жизнью, я был ошеломлен происходящим, мысли путались, но руки сами потянулись к пуговицам. Удовлетворенно кивнув, незнакомец скрылся за тяжелой дверью с решетчатым окошком, делившей фургон на две части. Через миг мужчина вернулся и кинул мне сверток.

— Наденешь это, — сказал он.

За его могучей спиной показалась обнаженная фигура. Человек одного со мной роста. Кожа его отливала нездоровой синевой; лицо, казалось, окаменело. Он был неестественно равнодушен. Монах отстранился, и обнаженный нагнулся к моей рубашке.

Я остолбенел. Человек мог надевать мою одежду только для одного!

— Что замер? — яростно прошипел над ухом незнакомец в рясе. — Он неизлечимо болен, его семье щедро заплатили, чтобы заменить тебя у Стены казней.

Не дожидаясь ответной реакции, монах опрокинул меня на пол и стащил оставшийся сапог и штаны. Когда обреченный на смерть закончил одеваться, незнакомец нацепил на него кандалы, вставил в рот кляп и спрятал бесстрастное лицо со спокойными глазами под мешком.

По совести говоря, я был как тряпичная кукла. Поняв, что на вразумительные выводы и быстрые действия в эти минуты я не способен, незнакомец схватил меня и сверток с одеждой в охапку и, цедя сквозь зубы ругательства, оттащил на половину, где должен был располагаться священник. Задвинув засов, дал знак кучеру.

— Хотя бы посиди тихо и смирно, — велел незнакомец.

Это словно отрезвило. Что ж, судьба в очередной раз решила лихо повертеть мной. Посмотрим, к чему приведет новый зигзаг. Я потянулся к свертку. В нем обнаружили монашеская ряса и скромный наряд реventольца достатка ниже среднего, но еще не нищенствующего.

— Тс-с! — Незнакомец поднес палец к губам.

Не догадываясь, что схватили за локти отнюдь не капитана флибустьеров, судебные приставы выдернули из фургона беднягу, принявшего мой крест, и громко хлопнули задней дверцей.

Воспользовавшись паузой, я торопливо оделся.

— Так-то лучше, — одобрительно произнес незнакомец.

Снаружи грянул залп аркебуз.

Переждав, пока стихнет кроважидный рев толпы, незнакомец ехидно произнес:

— Поздравляю со вторым рождением!

Я чувствовал себя последним подлецом.

— Но кто и почему... — начал я.

— Уже говорил: побереги распросы на потом.

— Хотя бы ваше имя, сударь.

— Это пожалуйста. Оливер Фоссато. В прошлом — солдат удачи, недолго — монах, а ныне снова наемник. Можешь обращаться ко мне на «ты» и просто — Фосс. Но повременим с беседей. Накинь капюшон и будь тише воды!

Глубокий капюшон монашеской рясы укрыл половину лица.

В фургон швырнули последнего из смертников. Дино. На этой раз обряд покаяния был соблюден до точки.

Мою душу раздирали злоба, обида и стыд. Я должен помочь другу. Но как? Любая попытка избавить Дино от казни закончится тем, что аркебузиры расстреляют его, меня и вдобавок моего таинственного спасителя. Я не мог рисковать жизнью Фосса. Знаю, это трусливое и низкое оправдание. Но дьявол меня подери! Я не мог сделать ничего! Кровь и песок!

Прости, Дино...

Его увели.

Я грузно осел на пол.

— Догадываюсь, что у тебя на сердце, — рядом примостился Фосс. — Но иначе нельзя.

Фургон затрясся по булыжникам площади Правосудия.
Ухнули аркебузы... Будь проклята эта толпа!

Покойся с миром, Дино...

— Зачем я вам?

Отчего-то я был уверен, что Фосс действует не один.

Оливер покачал головой:

— Ты нужен одному весьма могущественному человеку. Ты ведь не пират. Ты вор и всегда был им, даже когда ловил морские ветра под флагом Крюка. Ты вор, и вор, каких еще не рождалось в этом мире. Хваленые подвалы Конрада Дамана были для тебя сущим пустяком, ты попадал в ситуации и похлеще. Я знаю это, и ты, Николас, знаешь это.

Я попытался не отвести взгляда и не перемениться в лице. Он чертовски прав. Но откуда...

— Поверь, мой наниматель долго следил за твоими... хм... приключениями. — Фосс перебил ход моих мыслей, он словно бы читал их. — Ему многое известно. Да ты и сам понимаешь, что в определенных кругах имя Николаса Гарда на слуху.

Мой взор случайно упал на крохотное оконце. Фургон подкатил к тюремным воротам!

— Не волнуйся. Ведь эта телега оттуда.

Ворота медленно, со скрипом, распахнулись. Фургон вновь затрясся, но это длилось недолго.

— Приехали, Николас. Поднимайся, что бы ни случилось, молчи и не откидывай капюшон!

Фосс выпрыгнул через распахнувшуюся дверцу, я последовал за ним. Мы очутились в полукруглом внутреннем дворике скромных размеров. Никаких выходящих в него окон я не заметил, только несколько дверей. Кучер, не говоря ни слова и не оборачиваясь, скрылся в одной из них.

— Лошади готовы.

Обернувшись на новый голос, я непроизвольно отпрянул. Рядом стоял тот самый жирный тюремщик! Он держал под уздцы двух пегих жеребцов явно не из самых лучших конюшен, но вполне крепеньких.

— Не волнуйся, — произнес Фосс. Мое поведение забавляло его. — Это свой человек.

— Извини за тумачи, приятель, — добродушно пробасил толстяк. — Но иначе было нельзя.

Я не нашел что сказать.

— Как там, Акан? — обратился к тюремщику Фосс.

— Все чисто.

— Тогда не будем медлить. По коням!

Когда я и Оливер запрыгнули в седла, Акан сунул Фоссу фонарь и повел жеребцов к неприметным невысоким воротам напротив тех, что впустили нас во дворик. Толстяк кивнул Оливеру и запер ворота, оставшись по ту сторону створок из потемневших от времени неокрашенных досок. Мы снова были вдвоем. За воротами тянулся малопримечательный коридор без окон и дверей со стенами из неотесанного камня. Коридор был низкий, проходилоесь постоянно наклоняться.

Коридор вывел к воротцам, которые на вид ничем не отличались от предыдущих. Спешившись, Фосс потушил лампу и поставил ее на землю, затем чуть раздвинул створки ворот, чтобы смог проехать всадник, и я вновь оказался на площади Правосудия.

Фосс вывел своего скакуна и закрыл проход.

— Давай за мной! — Мой спаситель ловко вскочил в седло.

Продираясь сквозь расходящийся по домам люд, старался не смотреть в сторону Стены казней. Вокруг сновали горожане. Я слышал скрип собственных зубов и всей душой ненавидел ревентольцев!

Особняки богатых кварталов сменились одноэтажными улочками Ревентоля, то тут, то там начали попадаться лачуги бедняков.

— Молчи, — вновь предупредил Фосс.

Кривая улочка нижнего города уперлась в величественную стену внешних бастионов столицы арнийского королевства. У ворот, как всегда, переминалась с ноги на ногу хмурая очередь. Крестьянам и простым обывателям эдиктом Марии Луизы повелевалось покидать город только через северо-западные ворота. Низшее монашество, рясы представителей которого сейчас были на нас, также относилось к черному люду.

Под испепеляющими взглядами ожидающих мы пустили лошадей напрямик к десятку пикинеров.

— Куда без очереди! — сдвинул брови изрядно потрепанный капрал лет пятидесяти.

— Спасать грешные души, сын мой! — Свесившись с коня, Фосс сунул ему в ладонь серебряный руаль.

Довольно крикнув, капрал спрятал монету под кирасу:

— Говорил и буду говорить, что у святых отцов акромья чекток всегда найдется чем погреть руку. Пропустить их!

Ревентоль остался позади. Северный тракт уносил двух монахов прочь. Я не знал, что ждет нас завтра, но по меньшей мере завтра у меня имелось!

Глава 2 «ГУСЬ И ОКОРОК»

За косыми струями ливня в ночной мгле едва угадывались островерхие крыши домов очередной деревни. Скакали весь день, и мои силы уже были на исходе. А еще этот зарядивший с полудня дождь!

Тяжелые тучи сделали ночь темной, но не чернее моих дум. Я снова и снова вспоминал трибунал. Судилище без шанса избежать смертного приговора или каторги... Четыре месяца назад Даман убил Вермана, а сегодня еще пятерых: Булеза, Гюга, Чекко, Дино и Лоиса. Пятерых моих людей, моих товарищей. А двоих обрек на худшее, чем смерть.

Даман и теперь вот Деспилье... Два человека, которые не знают, что Николас Гард жив. Жив и поэтому сполна расплатится по кровавому счету!

Мысли о мести долго не позволяли усталости взять верх. Но проклятый пепел! Я вымотался до предела. Грубая монашеская ряса и одежда под ней промокли под холодным осенним дождем до нитки. Деревенька вот-вот закончится, но обещанного Фоссом трактира с сухой постелью и горячим ужином не видеть.

— Почти приехали, — произнес Оливер.

Это я и сам понял! За изгибом Северного такта в темноте показались ярко освещенные окна придорожного трактира. До ночлега рукой подать. Я почувствовал, что не могу избавиться от дурацкой блаженной улыбки.

— Давай за мной!

Фосс вдруг свернул с мощеного тракта на едва приметную дорожку, уходящую в густую рошу.

— Куда... — вырвалось у меня.

Оливер быстро скрылся в темноте среди деревьев. Мне не оставалось ничего иного, как пустить своего жеребца следом, пока Фосс не ускакал слишком далеко. Из-за низко нависающих ветвей ночь на проселочной дороге казалась гораздо непрогляднее, чем на тракте. Фосса и его коня почти не было видно, поэтому приходилось ориентироваться скорее по слуху, чем по зрению.

— Пол-лиги, и будет кров! — нарушив молчание, бодро выкрикнул Оливер.

— Большой или малой? — выдавил я, стараясь погасить вспышку злости. Конечно, он не устал! Не он же просидел месяц в королевской тюрьме!

— Что?

— Лиги большой или малой?

— Малой. Большая в чести лишь у моряков.

Не буду скрывать, стало чуточку легче. Господи, я сейчас вывалюсь из седла!..

— Добрейшие, отворяйте! — Возглас Фосса вырвал из незаметно подкравшегося сна. — Эй! Есть кто живой?

Дождь немного стих. Узкая дорога уперлась в высокий деревянный забор, какие часто встречаются у зажиточных крестьян: крепкий, на каменной кладке. Только раза в два выше, чем обычно. Перед массивными воротами на ветру качалась вывеска с изображением гуся и окорока, на двух семифутовых шестах ярко горели стеклянные фонари.

— Кампо, выпотроши тебя черти, проспишь всех постояльцев! — вновь загорланил Оливер и что было сил застучал кулаком по дубовой створке.

Под его натиском ворота наконец распахнулись. Слуги в длиннополых ливреях схватили жеребцов под уздцы и повели внутрь просторного двора, посреди которого гордо высился двухэтажный трактир. Именно гордо и именно высился, поскольку фасад постоялого двора не затерялся бы и среди самых дорогих кварталов больших городов и столиц.

Не дожидаясь, пока слуги заведут лошадей под навес перед крыльцом, Фосс спрыгнул на землю и с видом человека, не раз

здесь бывавшего, уверено зашагал в трактир. Я не столь ловко соскочил с седла — лошади всегда были моим слабым местом — и последовал за ним.

Просторный, ярко освещенный холл, роскошный и практически пустой. На широких окнах с позолоченными рамами висели шелковые портьеры, под ногами пружинил мягкий ковер. Напротив входных дверей блестела покрытая лаком стойка. По обе стороны от нее вдоль стен располагались кабинки из красного дерева, отделанные толстой тканью: для тех, кто желал уединения. Все они были пусты, может, по причине позднего времени.

Из полутора дюжин столов, занимавших остальное пространство, накрыт оказался только ближний к камину, и то лишь для одной персоны. Немолодой господин заканчивал ужин. Характерная бородка клинышком выдавала в нем подданного огсбургской короны. Более не заметил никого. Будь я на месте хозяина сего заведения, ломал бы руки от подобного «наплыва» постояльцев.

Кстати, сам трактирщик, немолодой мужчина с проседью в волосах, дружески беседовал с Фоссом и расстроенным из-за отсутствия гостей почему-то не выглядел. Трактирщик обладал крупным телосложением, но не из-за полноты, а из-за дремавшей в нем силы. Даже сейчас, когда годы щедро посеребрили виски, на руках с закатанными по локоть рукавами играли тугие канаты мышц.

— Маргарет! — позвал он, когда я подошел ближе. — Проводи господина в его комнату.

Присев в реверансе, Маргарет, миловидная служанка в белоснежном чепчике и с накрахмаленным кружевным воротничком, пригласила подняться на второй этаж.

Николас Гард шагал по лестнице, обитой дорогим ковром, оставляя за собой лужи воды. Но, право слово, в то мгновение мне было совершенно наплевать на это. Как только представил, что сейчас попаду в теплую комнату с сухой и мягкой постелью, глаза начали слипаться, а ноги едва передвигались.

— Скоро поднимусь, — окликнул меня Фосс.

Ответить я не удосужился, мне и на него было глубоко наплевать.

— Ваш номер, сударь, — сказала служанка, отперла замок и протянула мне ключи. — Общий зал и две комнаты. Одну займете вы, другую ваш компаньон.

— Спасибо.

— Желаете чего-нибудь горячего?

Хотелось спать, но и перекусить я тоже был не прочь.

— Да, пожалуйста, в номер.

— Если позволите, через десять минут.

Когда Маргарет исчезла, я двинулся в спальню. Широкую кровать уже разостлали. Не помню, как скинул с себя промокшую одежду и, нырнув под одеяло, оказался в объятиях сна.

Открыл глаза. Утро, которого могло не быть! А я — живой... Живой, не изувеченный королевским правосудием и свободный. Чудо наяву! Я лежал и тихо наслаждался одной-единственной мыслью. Жив!

Секундная стрелка настенных часов отмеряла круг за кругом. Меня постепенно охватывали тягостные раздумья. Я цел, а парни будут кормить червей.

Напротив висело Распятие. Поднявшись, я завернулся в простыню и встал перед ним на колени. Молитва получилась сумбурной, но я помянул каждого из казненных вчера, прося Бога Отца и Бога Сына принять их грешные души. Нет, молитва не искупит мою вину перед товарищами, потому окончательно я прощусь с ними, лишь отомстив. Но, закончив молитву, я ощутил странное облегчение. Удивительно, ведь я совсем не набожен.

Отступив на два шага, развернулся, оставив тяжелые воспоминания у Распятия. Дино, Чекко, Гюг, Булез и Лоис — не первые, кто был рядом и кого уже нет. Некоторые смерти отомщены... Жаль, что далеко не все, но, клянусь, команда моего корабля не окажется забытой. Какой именно будет месть? Я не знал. Сейчас я думал только о смерти Дамана и Деспилье. Я не убийца, а вор, но только одно может поставить точку в этой истории.

Дальнейшие планы пока не строил, сейчас нужно лечь на дно и восстановить силы, а отмщение свершится потом, и до тех пор я буду гнать воспоминания о погибшей команде. Потому что те, кто рядом, иногда погибают, но, если сам ускользнул от Костлявой Джейн, ты должен жить. Жить, а не убиваться.

Так всегда говаривал Старик, и именно это он повторил, умирая на моих руках.

Часы показывали четверть второго.

— Фосс, — негромко позвал я, светя голым торсом в общем зале номера.

Во второй комнате было пусто, а идеально заправленная кровать не могла дать ответ, ночевал ли здесь кто-то вообще. Я вернулся в зал и еще раз оглянулся.

Как же так!

У широкого окна на стуле висела новая одежда. Не скажу почему, но я ни на мгновение не усомнился в том, что роскошный наряд, стоивший, на взгляд, больше, чем хороший домик в провинциальном захолустье, предназначался именно мне. К сожалению.

Высокие сапоги из редкой нынче красной кожи с серебряными пряжками; штаны с модным в придворных салонах лоском; тонкая кружевная рубашка, вышитая старогвендарским узором; ярко-зеленый камзол с золотыми пуговицами и широкополая шляпа с перьями королевского фоариу могли бы вызвать восторг у сынков реVENTольских богачей, но не у вора. Никогда не чурался дорогих костюмов, однако не таких пестрых, как перья у попугая на насесте. Я обреченно вздохнул, надеть-то придется.

Только сначала умыться!

Ванна, к моему восторгу, оказалась полна еще не остывшей воды. Я медленно погрузился в нее, чувствуя кожей, как смываются пот и тюремная грязь.

— Недурно, — признался себе.

Шпага с камнями на эфесе являлась отнюдь не безвкусной игрушкой. Настоящее оружие, сделанное для того, чтобы убивать, а не для фокусов в руке франта, разбазаривающего отцовское наследство. Меня опять понесло...

Взглянув в зеркало и покачав головой, я пристегнул клинок к поясу. В животе давно настойчиво урчало. Повинуясь чувству голода, покинул номер и направился на поиски хозяина таверны. Длинный коридор был пуст. В противоположной стороне от полукруглого окна начиналась лестница, снизу раздавались слабые голоса.

— Владыка!

Вздвогнув от неожиданности, я повернулся. Слева от неприметной распахнутой двери, согнувшись и закрыв лицо руками, стояла женщина. Эльфийка!

Никогда не видел перворожденных, слишком мало осталось их в этом мире, но ошибиться было нельзя. В домотканом крестьянском платье из простой шерсти, со спутанными волосами... однако это была эльфийка, и как будто без ошейника. Почти всюду на Большом Орноре эльфам запрещено появляться без ошейника раба. В Арнии тоже.

— Владыка, — горячо зашептала она, не отрывая ладоней от лица, — Олари-Гвендар пал, Сапфировый Берег утонул в крови, а четверем псам этого мало. Их армии у наших границ. Владыка! Что будет с нашими Лесами?

Истеричные интонации, которые зазвучали в голосе эльфийки, с первых слов заставили подумать о помешательстве перворожденной. Я отступил на шаг. Сумасшедшие всегда вызвали у меня безгливость.

— Мадам... — проронил я. Кажется, она приняла меня за кого-то другого.

— Кровь! Кровь и смерть! Деревья горят. — Эльфийка замолкла и вдруг вскрикнула: — Смотри! Смотри, что они сделали с моими глазами!

Я непроизвольно вздрогнул. Зрелище не для слабонервных, вместо глаз — зажившие рубцы, а некогда прекрасное лицо изрезано шрамами. Эльфийка спрятала обезображенный лик и упала на колени, тихо плача и скуля.

Однажды Бог Отец, а может сам дьявол, явил алхимикам гномов секрет пороха. Те, посчитав новый порошок пустой забавой для фейерверков, продали секрет его изготовления людям. На свое горе. Очень скоро у людских армий появились бомбарды, а за ними и аркебузы. Магия древних рас оказалась бессильной против нового оружия.

Первыми истребили и загнали в резервации орков Большого Орнора — самого обширного материка Орнора. Затем союз четырех возвысившихся людских королевств — Арнии, Леканта, Арнидока и Герии — разбил гномов Седых, Бурых и Железных гор. Еще семь лет понадобилось четверем королям, прозванным за алчность и жестокость четверьмя псами, чтобы поделить между собой Закатный Орнор и Дальний Орнор, запад-

ные и восточные материки. А затем настал черед перворожденных, которые дорого заплатили за свое прошлое.

Боги людей — Отец и Сын, — как род человеческий, как тысячи тысяч родителей и их чад, единое на земле и единое же на небе, долго не признавались нелюдями за настоящих богов. До тех пор, пока людям и иным расам не стало слишком тесно в Орноре в первый раз. Давно это было, упоминия о тех событиях сохранились лишь в священных текстах.

Началась война людей и нелюдей, она захлестнула весь мир. Боги всех смертных рас облекли себя плотью и сражались на поле брани наравне со своими детьми. Тогда эльфы, гномы и орки на своей шкуре познали силу Бога Отца и Бога Сына. Великих, но не всемогущих в людской плоти. Бог Сын был пленен, его смертная оболочка умерщвлена. Жесточкой казнью — распятием. Он первым из богов, что сражались среди смертных, вновь вознесся на небеса.

Когда настало время четырех псов, эльфам конечно же припомнили распятие Бога Сына, а также все остальное: что было и чего не могло быть, но стало правдой в устах Вселенской инквизиции. Начались войны Святого Отмщения!

В Первую эльфийскую войну разрушили Олари-Гвендар и Сапфировый Берег, царства эльфов на большом южном архипелаге и лежащем за островами материке — Зеленом Орноре. Во Вторую эльфийскую войну уже горели леса перворожденных Гвендара, самого крупного из королевств эльфов, которое простиралось на севере Большого Орнора. Жестокость, с которой уничтожалась раса бессмертных, не знала границ. Когда от эльфов осталась лишь горстка, их Владыка и лучшие маги наложили на свои земли чудовищное проклятие. Леса эльфов превратились в ад, ужас поселился среди сумрака и теней в обезображенных дьявольским колдовством рощах. Твари, которых, казалось, изрыгнула преисподняя, нападали на солдат и днем и ночью. Страх гнал смертных прочь, а на карте материка появилось огромное черное пятно. Темное Запустение, окруженное Сумеречьем, как нарекли пограничные с ним земли. Скоро Темное Запустение стали называть проще — Запустение.

Но и того, что захватили четыре пса, было достаточно. Мир перекроили за время жизни одного поколения. Арния,

Герия, Лекант и Арнидок принялись выжимать соки из ново-приобретенных колоний, время от времени вгрызаясь в глотки друг другу, а остальные людские королевства вот уже полтора столетия влачили жалкое существование в тени «большого квартета». Лишь молодая Огсбургская империя хищно скалила зубы, интриговала и, как мнилось многим, ждала своего часа.

— Мадам, вам чем-нибудь помочь? — Я попытался успокоить эльфийку. Жалость во мне поборола неприязнь. — Принести воды?

Перворожденная никак не отреагировала, словно забыла обо мне. Я навис над ней, не ведая, как поступить.

— Лека, Лека! Что ты здесь делаешь? — По узкой лестнице за серой дверцей, запыхавшись, поднималась служанка. Опасливо глянув на меня, она склонилась к эльфийке и успокаивающе заговорила с ней. Как ни странно, это подействовало: перворожденная прекратила плакать и доверчиво наклонила голову к горничной.

— Сударь, пожалуйста, не говорите мастеру Кампо, что видели Леку. — Горничная умоляюще посмотрела на меня, подняв эльфийку с пола. Служанка походила на Маргарет, как сестра, только была постарше и чуть поплотнее. — Хозяин не любит, когда Лека попадаетеся на глаза гостям.

— Да, конечно.

— Спасибо, сударь. Вы очень добры.

Шепча что-то эльфийке, горничная увела Леку вниз, еще раз просяще взглянув на меня.

Что за судьба выбелила волосы бессмертной и покрыла лицо морщинами? Почему она назвала меня Владыкой, вспомнив верховный титул эльфийских чародеев? Я простоял какое-то время на месте, глядя на затворившуюся дверь, но чувство голода не прервало раздумья.

Приблизившись к лестнице, спускающейся в гостиничный холл, услышал зычный бас:

— Трактирщик! Товь лошадей, да побыстрее! И кружку темного эля!

Стуча коваными каблуками, к хозяину заведения двигалась широкоплечая громада в синем мундире королевского лейб-лейтенанта. Внизу уже было не так пусто. Огсбургец сидел на прежнем месте, словно и не покидал его ночью. У окна

шептались трое купцов с длинными усами и то и дело тыкали пальцами в толстый гроссбух. Женский смех за ширмой выдал влюбленную парочку. Но главное, за столиком посреди зала с Фоссом беседовал пухлощекий господин в костюме, сшитом с богатой вульгарностью.

Незаметно для незнакомца, устроившегося спиной к лестнице, Оливер дал мне знак остаться наверху. Неужели это мой таинственный спаситель и наниматель? Я отошел к стене и начал внимательно наблюдать за собеседниками.

— Ты чего городишь, милейший?! Бери экипаж и впрягай лошадей! Да не вздумай подсунуть мне дохлых кляч, как в той деревне у тракта!

Трактирщик мотнул головой, что-то втолковывая гвардейцу. Фосс сломал сургучную печать на полученном от незнакомца письме и внимательно прочитал его, держа над зажженной свечой. Перед ним стоял всего лишь посыльный... Я разочарованно выругался. Старик говаривал, что глупо оценивать внешний вид заказчика, когда получаешь куш. Знаю, глупо, но отчего-то приятней грабить подлецов и королевских вельмож-хапуг, чем исполнять их прихоти. Пальцы, жадные до золотых монет, противно перебирали громоздкие четки. ...Естественно, еще и ценитель салонной моды.

— Не морочь голову! — Офицер навалился на стойку.

Трактирщик протянул лейтенанту какой-то желтый лист. Уткнувшись в него, гвардеец изредка косился на хозяина заведения, а закончив читать, молча опрокинул кружку эля, кинул медяк и, схватив медвежьей лапой брошенный на стол палаш, широко зашагал к дверям, рыча на трижды клятого вице-губернатора Гренгори и его драные вшивыми котами привилегии.

Собеседник Фосса пялился на пару тугих кошель, перекочевавших на стол из кармана Оливера. Фосс поднес письмо к огню свечи. Когда лист бумаги сгорел, посыльный поднялся, забрал мешочки с монетами и, не медля, уплыл прочь.

— Это он? — на всякий случай поинтересовался я, спустившись на первый этаж.

Мой вопрос рассмешил Фосса до крайности.

— Слава богу, нет, — сквозь смех ответил Оливер. — Сей экземпляр годен лишь на роль мальчика на побегушках да для отвода глаз. — Фосс проследил взглядом за тронувшейся каретой и добавил: — Такого трудно не заметить.

— Да уж.

— Кстати, ты, наверное, еще не завтракал, — заметил он и подозвал к себе служанку: — Маргарет, будь любезна, накорми сэра Христофера.

Когда служанка удалилась за вином, бобами с мясом и картофелем с зеленью, Фосс пояснил:

— Назовись новым именем, на всякий случай. Твоя новая фамилия — Бонн.

Я кивнул. Затеянная Фоссом игра мне была совершенно безразлична, сейчас больше волновало урчание в животе.

— Вино волшебное, очень рекомендую. — Оливер наполовину наполнил высокий бокал.

— Какой-то странный трактир, — сказал я.

— Находишь его необычным? — Фосс приподнял бровь и с иронией взглянул на меня.

— Нахожу. — Я с трудом оторвался от созерцания дымящихся тарелок, которые ставила передо мной добрая фея Маргарет.

Оливер пожал плечами и пригубил вина.

Маргарет наклонилась к столу, умело расставила приборы. В вырезе ее платья красиво белела молочная грудь. Заметив, куда падает мой взгляд, Фосс понимающе улыбнулся. Когда служанка направилась на кухню, две пары мужских глаз одобрительно проводили ее приятные формы до двери.

— Девчонок моих не обижайте. — На стол легла огромная тень. Трактирщик подмигнул Фоссу и уселся рядом. — Девки у меня ладные, да не для лапанья. Для развлечений в округе всегда открыты двери матушки Соли. У нее две новые милашки появились. Говорят, прямо из дворца лерпийских дождей. Огонь, а не девицы!

— А что ж им не сиделось в Лерпо, да еще во дворце дождей? — Оливер состроил нарочито недоверчивую гримасу. — А, Кампо?

— Не знаю. Наверное, старикашки совсем зачали на своих сундуках, а в наших краях молодухам есть где разгуляться.

— Особенно под крылом матушки Соли. — Фосс с сожалением повертел наполовину опустевший бокал. — Надо бы ее навестить.

— Ее?

— Тебе, старый пройдоха, давно пора отучиться ловить людей на словах. Всех клиентов распугаешь.

— А тебе, пропойца, надо промочить горло. Уж больно у тебя разнесчастный вид, когда смотришь в бокал. Пойдем в подвал, выберем бочонок, вспомним прошлое да решим, когда навестим старушку Соли.

— Кстати, — обратился ко мне Оливер, поднимаясь из-за стола, — Христофер, у вас есть невеста? Нет? Тогда едемте с нами! Дамы из дворца лерпийских дождей!

— Пошли, сводник. — Трактирщик хлопнул Фосса по спине, увлекая за собой.

Фосс был заметно навеселе. Интересно, от вина или от общения с хозяином гостиницы? Они явно знакомы, притом давно. Странное дело — дружба наемника и трактирщика. Хотя что здесь странного? Трактир. Его роскошь в здешней глуши... эльфийка... губернаторские привилегии... В общем, к черту! Я мысленно махнул на все рукой и принялся за завтрак.

Вспомнился Лерпо.

В фермерской Новой Лернии ходили легенды о богатстве торговых городов Семиградья, в особенности Лерпо. В мои одиннадцать лет, когда увидел Лерпо с борта купеческой шебеки, город почудился еще более сказочным, чем представлялся по рассказам. В тот день я не хотел поворачивать время вспять, чтобы не сбегать с фермы отчима; не пробираться тайком на первый попавшийся корабль, не подумав, что он может пойти куда-то еще, кроме Семиградья; не сидеть шесть дней в трюме, пока не кончились еда и вода, а потом полтора месяца не терпеть насмешки команды и кручение пальцем у виска. Слава богу, меня не выкинули за борт, а сделали юнгой за тарелку супа из солонины, и я был счастлив, когда капитан шебеки отпустил сопливого мальчугана на все четыре стороны. Мое счастье длилось три дня. Потом очень хотелось есть. Через неделю я лежал под старым мостом, умирая от голода, и до слез желал вернуться домой. Тогда меня и нашел Старик.

— Сударь, пожалуйста, выслушайте меня, — к столу подошла Маргарет. Служанка говорила едва слышно, почти шепотом, умоляюще сложив ладони на груди. — Сестра отлучилась только на минуту, на кухню, а Лека исчезла. Не рассказывайте

об этом мастеру. Кампо не любит, когда Лека досаждаёт постояльцам. Мастер очень рассердится.

Я был очень удивлен просящим тоном Маргарет и каким-то детским испугом в ее глазах и поэтому не сразу сообразил, что речь идет о слепой эльфийке.

— ...когда поднялась наверх, увидела вас и Леку и по...

Маргарет осеклась на полуслове. Ни я, ни она не заметили, как Фосс очутился рядом. Служанка испуганно захлопала ресницами и поспешила из зала. Я подумал, что, будь с Фоссом хозяин гостиницы, она упала бы в обморок.

— Ты видел слепую эльфику?

— Кто она такая? И откуда здесь перворожденная?

Оливер задумчиво посмотрел в окно. Его взгляд был устремлен явно не во двор.

— Кампо и я родом из Зеленых Кантонов, — заговорил Фосс после непродолжительной паузы. — Деревню, где я вырос, не найти ни на одной карте. Вокруг только леса с волчьими тропами. Судьба в этой глуши одна — рубить лес да сплавлять его вниз по реке до ближайшего городка. И нищета! Поэтому я едва дождался семнадцатой зимы и каждое утро выглядывал в окно родительского дома с одной-единственной надеждой: когда же появится вербовщик?! Наконец этот день пришел, и я записался в вольную дружину. «Красный трилистник» на девятнадцать лет стал мне семьей. Этот знак вышит на нашем знамени.

Эмблема дружины ни о чем мне не говорила, но это не важно. Зато все знают, что ни одна дружина из Кантонов не запятнала свою честь, и лучших пикинеров, чем эти наемники, в мире не существовало. Это правда.

— Там я познакомился с Кампо. Поначалу мы чуть на ножах не подрались, ведь Кампо родом из соседней деревни. — Фосс задумчиво почесал подбородок. — Косились мы друг на друга недолго, до первой заварухи. После Боденского сражения побратались и так уже дружим больше двух десятков лет. Знаешь, это годы сплошных войн, но я часто и с теплом вспоминаю то время. Мы были молоды и веселы.

Оливер снова ненадолго задумался.

— Однажды мы поняли, что пора на покой, и покинули дружину. Кампо решил открыть трактир где-нибудь в спокой-

ном местечке. Деньги у него имелись, он всегда слыл прижизненным. А я ввязался в одну авантюру, которая оставила меня совершенно без гроша. Помаялся какое-то время и принял монашеский сан. Ненадолго. — Оливер искренне рассмеялся. — Да, это было ошибкой, монах из меня вышел никудышный. Как-то зимней ночью я взял на душу еще один грех. Снял рясу и перемахнул через монастырскую стену. Снова стал солдатом удачи, только теперь у меня были лишь собственный клинок и две серебряные монеты. Но на сей раз мне повезло. Очень скоро я встретил Хозяина, кому служу и поныне.

Что и мне пророчишь! Однако вслух я произнес иное:

— Ты ни словом не обмолвился о слепой эльфийке.

— Перворожденная случайно попала к Кампо, — ответил Фосс. — Дела у него тогда шли скверно. Заведение больше походило на чуть облагороженный сарай и располагалось у той деревни, где мы вчера свернули в лес. Кампо рассказывал, что Лека постучалась в дверь поздно ночью, она дрожала от холода и едва держалась на ногах. Никто до сих пор не знает, откуда она явилась в здешние края. Кампо не прогнал ее, и его великодушие было вознаграждено. У Леки есть Дар. На сто шагов рядом с ней никто не в силах колдовать, ее способности словно гасят все другие. И еще. Она чувствует, если кто-то рядом пытается что-нибудь подсмотреть, подслушать или украсть. Особенно при помощи магии. Кампо, не будь дураком, смекнул, что это сулит, и деньги потекли к нему рекой. Теперь в его трактире ведутся важные переговоры и назначаются тайные встречи, но ни один самый искусный шпион никогда не скажет, что происходило в стенах «Гуся и окорока». Сейчас эльфийка — собственность Кампо. Правда, он не заставляет ее носить ошейник; здесь, в трактире, это не возбраняется.

Признаюсь, так и чесалось проверить сказанное Фоссом на деле.

— Даже не думай, вор, — резко произнес Оливер. — Здесь это бес-по-лез-но. Ты не сможешь услышать шепот за стеной или увидеть монету в кромешной темноте.

Мне очень не понравились эти слова.

—...а равно прокрасться без единого звука, раствориться в темноте или справиться с магическим замком.

Да, мне определенно не нравилось сказанное. Слишком немногие знали, какой именно магией обладает Николас Гард, и почти все они умерли много лет назад за много лиг от Арнии.

— У тебя напряженный вид, — произнес Фосс.

— Есть от чего напрячься, — процедил я.

— Не спорю. — Фосс заговорил тише, как будто решил успокоить меня. — Мало кто любит, когда раскрываются его самые сокровенные тайны, и, когда такое происходит, понимаешь, что человек, сидящий напротив, далеко не случайно появился в твоей жизни.

Я исподлобья смотрел на бывшего наемника, ожидая, что еще он скажет.

— Говорю я не о себе, — продолжал Оливер. — Говорю о нашем Хозяине. Он долго следил за тобой.

— Хочешь сказать, о твоём Хозяине.

— Нет, о нашем Хозяине. Ведь если ночная крыса взялась за заказ, она доведет его до конца. Даже ценой своей шкуры! И лучше, если ночная крыса обязана тебе жизнью, а это наш случай. Так ведь, Гард, последний из ночных крыс?

Это уже слишком! Никто, кроме мертвецов, не знал, что последняя ночная крыса еще бродит под луной.

— Кто наниматель?!

— Всему свое время.

Фосс долго и внимательно вглядывался в мое лицо, а мне было не до него. Казалось, Оливера послал сам дьявол. Я почти поверил в это.

— Платит он весьма и весьма щедро, — произнес Фосс и изменившимся вдруг тоном добавил: — Пойдем, выберешь себе новую лошадь, сэра Христофер.

Глава 3 ВСТРЕЧИ

Мышастый неторопливо ступал по дороге, ведущей к гостинице мастера Кампо. В сумерках очертания деревьев выглядели размытыми. В эту осеннюю пору темнело быстро, а холодало еще быстрее. Пришпорив жеребца, я зябко повел плеча-

ми и посетовал на собственное легкомысленное желание с утра захватить с собой только легкий плащ.

За неделю, проведенную в трактире, я отоспался и отъелся как никогда. Дни выдались блаженные, почти райские. Почти, потому что угнетала неизвестность.

После памятной беседы в первый день Фосс не заговаривал о чем-либо серьезном, а если я начинал спрашивать, он или отмахивался, или находил новую тему для разговора. Оливера, кстати, не было в трактире уже два дня. Я же по совету хозяина таверны провел их в заведении матушки Соли. Нахваленные Кампо дамы свое дело знали, они и впрямь приехали из Лерпо.

Я тосковал по этому городу, в котором нашел новую семью. Старик сделал из меня едва ли не принца и самого заветного жениха купеческой столицы Большого Орнора. Но главное, он передал мне секреты ремесла и развил во мне пять тлеющих огоньков магии. Старик говорил, что я вор от рождения, во мне Звезда Харуза: пять воровских Даров.

Скучал ли я по Старику? Конечно! Я любил его. Главварь ночных крыс был легендой, большинство даже считало его вымышленной личностью, а он жил себе да посмеивался в ус. Лишь когда кто-то переходил дорогу его клану, Старик напоминал о себе. С ночными крысами предпочитали не связываться и многочисленные купеческие гильдии, и дожи города, и отбросы городского дна, которым сливали самую грязную и трудную работу особого толка. Пока не появился он... Кровь и песок! Прочь воспоминания!..

Обычно, когда в память врывались события того дня, что убил почти всех нас, я срывал знатный куш, и карета уносила последнего из ночных крыс подальше от теней прошлого.

Но не сейчас. Я обязан жизнью кому-то неизвестному и должен отработать долг. Бог воров Харуз, или демон, как называли его церковники, не простит, если я не заплачу по долгу крови. Однажды я нарушил клятву, и ночных крыс стерли в прах, как будто их и не было, да и прежнего Николаса Гарда не стало...

Огни гостиницы появились, как всегда, неожиданно.

Во дворе освещенного фонарями трактира переминалась с ноги на ногу немолодая женщина в поношенном платье, такие обычно носят фермерские жены. У ног женщины стояла боль-

шая корзина, доверху наполненная яблоками. Крестьянка робко пыталась обратить на себя внимание, но сновавшая туда-сюда прислуга Кампо совершенно не замечала ее.

— Почему товар?

Усталое лицо озарилось надеждой. Не дожидаясь, когда женщина назовет цену, я протянул три серебряные монеты из кошелька, что получил от Фосса «на расходы». Дрогнувшим голосом фермерша залепетала слова благодарности, неуклюже наполнила куль яблоками и протянула его мне. На эти деньги она дотянет до весны. Я заметил на пальце крестьянки кольцо вдовы и испытал жалость к ее детям. Фермерская доля тяжела, мне это ведомо не понаслышке.

Покинув седло, с удовольствием почувствовал под ногами землю.

Никогда не был мастаком в верховой езде. Мышастый, очевидно, чувствуя это, все время норовил досадить мне, и я надумал его подкупить. Седой и почти беззубый конюх Кампо прошепелявил однажды о слабости мышастого. Яблоки! Я показал жеребцу краснобокого красавца. Конь зло и с подозрением покосился на меня и чуть не откусил пальцы, затем требовательно посмотрел на куль яблок. Его фыркание стало довольным. Я дал мышастому еще яблоко, но сейчас жеребец отошел на второй план.

Как и ее госпожа, эта служанка была одета во все черное. Камеристка молча подошла к фермерше и, не произнеся ни звука, протянула монету. Не столь весомую, как моя, но для крестьянки и это было счастьем. Получив куль, служанка развернулась к гостинице. Глядя ей в спину, я вдруг почувствовал на себе чужой пристальный взгляд. Из окна второго этажа, отодвинув занавеску, смотрела она. Вся в черном, строгая и величественная, в такой же маске, как у горничной.

Она появилась в трактире три дня назад. Я заканчивал ужин, когда во двор вкатилась темно-серая крытая двуколка. Лицо возницы скрывал глубокий капюшон, он гораздо больше походил на мертвеца, чем на живого человека: в его скурых движениях не было ничего лишнего.

Расплывшись в широкой улыбке радушного трактирщика, Кампо поспешил во двор встречать новых гостей. Двуколка привезла двоих. Госпожа внимательно выслушала Кампо,

что-то кратко ответила и протянула тугой кошель. Гостиничные слуги приняли у горничной багаж, карета укатила обратно в ночь, а новая постоялица и ее камеристка переступили порог «Гуся и окорока». Пропустив горничную вперед, госпожа на миг задержалась и сквозь прорези в маске окинула взглядом холл.

Я смотрел на нее как замороженный. Сначала взгляд притягивало ее платье из дорогого черного сукна, оно бросало открытый вызов моде своим мрачным цветом, полным отсутствием разрезов и высоким глухим воротом, а затем я понял, что от дамы в черном исходит какая-то сила, суть которой оставалась тайной. Это ощущалось явственно, и, наверное, не мной одним. Облик новой постоялицы не показался кому-то из прислуги и гостей неуместным или карнавальным — она была красива. Почему-то возникала уверенность в этом, несмотря на маску, плотную шаль на плечах, перчатки и сверхстрогое платье.

Сейчас незнакомка пристально смотрела на меня, словно ожидала чего-то. Я поглубже натянул широкополую шляпу и попытался сделать вид, что не заметил внимания к своей персоне, а когда снова глянул вверх, в окне никого не было.

Таинственная леди вызывала жгучий интерес. Утром встретил неизвестную на лестнице. Аромат ее духов манил к себе, как манит свет ночного мотылька. Я попробовал завести разговор, но она обожгла меня взглядом и обошла стороной, словно пустое место. А ее запах сказал, что она не только красива. Она еще и молода. Запах никогда не врет.

Я зло и протяжно выругался. Меня тянуло к юбке, будто зеленого юнца!

Внимание привлек нарастающий шум. Через несколько минут в просторный двор «Гуся и окорока» въехали четыре кареты без гербов и дюжина всадников. Вооруженные до зубов слуги напоминали бандитов.

Пребывание в трактире становилось занимательным. Показавшийся из гостиницы Кампо застыл на пороге в учтивой позе. Он не выглядел озабоченным: ребята у него крепкие и все знают, где припрятан верный клинок.

Каждый экипаж привез трех человек. Приехавшие сбились в кучу и принялись о чем-то таинственно шептаться. Мне ста-

ло смешно. Они тоже были в масках, шляпах и длиннополых плащах, как на карнавале в Цилирии. Настоящие заговорщики.

Вскоре неизвестные подозвали хозяина трактира, и после короткого разговора в руки трактирщика перетекло целое состояние. Да, репутация — вещь прибыльная.

Когда дюжина господ в плащах проследовала в гостиницу, я отвернулся. Не мог скрыть ухмылку. Я все еще улыбался, когда проходивший мимо заговорил, его голос я не спутал бы ни с одним другим. Красная маска скрывала Конрада Дамана.

Минуту я стоял в оцепенении, наблюдая сквозь окна, как в холле осматриваются двенадцать масок. Я размышлял, как поступить дальше, и не сразу заметил, что ладонь опустилась на эфес шпаги. Это отрезвило. Я вор, а не убийца, а месть нужно подавать холодной. Передав мышастого уставшему ждать помощнику конюха, я посильней натянул поля шляпы и двинул в гостиницу, не спуская глаз с красной маски. Никаких мыслей, что делать дальше, я не имел и, действуя по наитию, переступил порог гостиницы.

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания и не поворачиваясь лицом к Даману, неспешно обогнул вновь прибывших. Я превратился в слух. Как же хотелось обострить его! Как мне не хватало магии воровского бога!

— Господа, — раздалось за спиной, — встретимся внизу, а пока у каждого есть час.

— Пожалуйста, ключи от ваших номеров, — произнес Кампо. — Пойдемте, я покажу.

Я поднимался по лестнице. Позади застучали подбитые каблуки дюжины пар сапог. Я должен был знать, где остановится вице-король!

Наш номер располагался в конце коридора, что оказалось очень кстати. Замешкавшись у своей двери, осторожно посмотрел через плечо, чтобы запомнить, где поселится красная маска. Номер Дамана располагался рядом, на противоположной стороне, и отлично просматривался через узкую щель незакрытой двери. Я не зажигал светильника, так что из коридора щель не заметят.

Я делал это сотни раз: ждал, затаившись в темноте. Ждал, сам не зная чего, но ждал. Коридор был тих и пуст. Я не спускал

взгляда с двери в номер Дамана. Медленно протекли сначала пять минут, потом десять. Пятнадцать. Со стороны лестницы слышались шаги.

Наверх поднимался постоянно торчавший в холле огсбургец. Он потерял личину вечного благодушия и выглядел крайне сосредоточенным. Имперец сжимал под мышкой тугой сак-воляж. Огсбургец миновал свой номер и негромко постучался к Даману! Дверь открылась практически мгновенно, словно за ней нетерпеливо ждали стука, и впустила гостя.

Спустя полминуты я стал действовать. Неслышным воровским шагом подошел к номеру вице-короля. За дверью шел разговор, но даже с почти орочьим слухом слов было не разобрать. Проклятая эльфийка! Нужна магия! Я едва сдерживался, чтобы не нарушить запреты «Гуся и окорока».

С замиранием сердца прислонился ухом к двери. Только бы никто не высунулся в коридор! Я мог услышать отдельные слова, только общий смысл разговора из них не прояснялся. Однако самое главное я не пропустил. Конрад Даман и имперец прощались. Я поспешно вернулся в свой номер.

Даман остался один, имперец спустился вниз, наверное, на свое привычное место, к элю и сарделькам, а я нетерпеливо тербил выуженную из рукава булавку и отсчитывал минуты до истечения часа.

...Двери распахнулись практически одновременно, и неизвестные в масках по одному или парами направились в холл трактира. Красная маска среди них!

Дверь номера Дамана и булавка! Булавка — вещь нехитрая, но не в руке опытного вора, тем более лучшего ученика Старика. Вчера любопытства ради опробовал ее на замке собственного номера. Ничего неожиданного не обнаружилось. В замке покоев Дамана тоже. Дверь тихо затворилась за моей спиной.

Здесь ничего примечательного, кроме пузатого, оббитого медью сундучка. На его крышке гномья резьба; значит, запорный механизм тоже гномий. Это могло существенно осложнить дело.

Я досадливо цокнул языком. Замок действительно сделан гномом, да не абы кем, а настоящим мастером. Такой замок без специальных инструментов не открыть, очень-очень не-

многие могли бы с ним совладать без помощи магии, с одной булавкой в руке. Но я лучший вор.

Внутри лежали десять щедро набитых кошель и три бумаги.

Первой оказался королевский патент на назначение барона Конрада Дамана на должность генерал-губернатора Загорья, или, как еще именовали это северное графство, Арнийского Сумеречья. Да уж, не теплое вице-королевство у южных морей: до Запустения рукой подать, и население — горцы, вечно косящиеся на реventольских монархов! Зато целая россыпь железных и серебряных рудников. Даман найдет где погреть руки.

Две другие бумаги скреплялись печатью с незнакомым гербом. Это интриговало. Сорвав печати, я ничуть не пожалел, что оставил Даману свидетельство своего визита. В первой подробно анализировались действия Конрада Дамана, шпиона и отступника. О! Он хороший шпион. Я покосился на кошель — работа Дамана оценивалась полновесными имперскими марками. Вторая бегло наставляла Дамана относительно новой должности генерал-губернатора Загорья. Конечно, с точки зрения имперских интересов; особенно подробно описывались способы связи с огсбургскими агентами.

Обе бумаги скреплялись подписью самого имперского канцлера. Высокого полета мошенник — барон Даман! Умудриться усидеть сразу на двух стульях! Да каких! Это его и погубит. Я спрятал обе бумаги во внутренний карман камзола. Они обязательно окажутся на столе арнийского короля. Жаль, не сейчас, сначала надо сделать дело моего спасителя, но Герард обязательно их прочитает. Это я себе пообещал.

Какое-то мгновение я рассматривал кошельки, потом и они перекочевали ко мне со стола. Приятная тяжесть, что ни говори. В деньгах сейчас нужды нет, но как лишний раз не насолить Даману? Тем паче золотые марки!

Вот и все. Неприятный сюрприз ожидает Конрада. С этой мыслью я вернулся к себе в номер. Бумаги и золото спрятал в шкаф и, натянув на глаза шляпу, спустился в холл.

Безумие! Я не отдавал себе отчета в собственных действиях. Мной овладело какое-то сумасшествие! Жажда мести затмила разум.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Площадь Правосудия	5
<i>Глава 2.</i> «Гусь и окорок».	19
<i>Глава 3.</i> Встречи	32
<i>Глава 4.</i> Замок Сош	46
<i>Глава 5.</i> Загорье.	60
<i>Глава 6.</i> Упырь	72
<i>Глава 7.</i> В Бранде.	84
<i>Глава 8.</i> Охота	99
<i>Глава 9.</i> Крест, вышитый красным	110
<i>Глава 10.</i> За город	121
<i>Глава 11.</i> Путь проклятых	132
<i>Глава 12.</i> Крысоловы	141
<i>Глава 13.</i> Пиршество страха	152
<i>Глава 14.</i> Акценты расставлены	162
<i>Глава 15.</i> Снова в Бранд	172
<i>Глава 16.</i> От плохого к худшему	182
<i>Глава 17.</i> Дела Церкви	193
<i>Глава 18.</i> Тайна капеллы святой Берты	203
<i>Глава 19.</i> Шаркая и кашля	211
<i>Глава 20.</i> Иди сюда!	223
<i>Глава 21.</i> В западню	232
<i>Глава 22.</i> Хутор Андаров	240
<i>Глава 23.</i> Убить или....	250
<i>Глава 24.</i> Туман	261
<i>Глава 25.</i> Вергельд	269
<i>Глава 26.</i> Мести нет!	276
<i>Глава 27.</i> Дорнок	285
<i>Глава 28.</i> Поместье Укила	295
<i>Глава 29.</i> Зверь	303
<i>Глава 30.</i> Станный день, поступки, люди	312
<i>Глава 31.</i> Становище орков	319
<i>Глава 32.</i> Убийца	328
<i>Эпилог</i>	342